

Научная статья

УДК 94 (43)

doi: 10.17223/19988613/78/16

Проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны (1939–1942 гг.)

Сергей Андреевич Шерстюков

« », Россия, ssherstyukov@hse.ru

Аннотация. Рассматривается проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны. Исследуются подходы немецких дипломатов к способам организации «нового порядка» на Ближнем Востоке, в частности разные точки зрения по поводу необходимости и форм конструирования «Великой Сирии» и продвижения этого проекта немецкой пропагандой в регионе. Хотя немецкие дипломаты создавали в своем воображении довольно радикальные проекты политической трансформации арабского мира, по ряду причин (политических и идеологических) они проявляли сдержанность и осторожность в своих практических шагах и пропаганде в регионе.

Ключевые слова: «Великая Сирия», пропаганда, Третий рейх, Вторая мировая война, Ближний Восток

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-39-00052 мол_а «Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке: от Германской империи к Третьему рейху (1914–1945)».

Для цитирования: Шерстюков С.А. Проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны (1939–1942 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 124–134. doi: 10.17223/19988613/78/16

Original article

The “Great Syria” project in the Middle East policy and propaganda of the Third Reich during the Second World War (1939–1942)

Sergey A. Sherstyukov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ssherstyukov@hse.ru

Abstract. The article is devoted to study of "Great Syria" in the Middle East policy and propaganda of the Third Reich during the World War II (1939-1942). This study is based on the analysis of published and unpublished documents from the German archives. With the outbreak of World War II (and, in particular, after the following the defeat of France in 1940), the Middle East policy of the Third Reich increased in activity, which was aimed at disruption of the dominant position of the British Empire in the Middle East. German propaganda in the region focused on the fact that after the end of World War I Great Britain and France did not grant independence to the Arabs, but established their own colonial domination in the region in the form of the mandates system. In this regard German diplomats sought, with a view to propaganda, to build alternative versions of the political organization of the Arab world that would provide for the creation of a unified Arab state. Focusing on these projects makes it possible to see what "mental maps" of the Middle East and the Arab world existed in the minds of German diplomats. In addition, since summer of 1941 began to be planned the German offensive in the Middle East the question of the organization of a "new order" in the Arab world received not only propaganda but also a practical dimension. One of the options for the creation of a unified Arab state was the project "Great Syria". However, although the diplomats of the Third Reich created in their imagination rather radical projects for the political transformation of the Arab world, for a number of reasons (political and ideological) they showed restraint and caution in their practical steps and propaganda in the region. One reason for this caution was the need to take into account the position of Italy, as well as the positions of other actors (Vichy France, Turkey, Saudi Arabia). Although at that time were offered and discussed different versions of the organization of the "new order" in the Arab world, there is a noticeable similarity in all German projects. In particular, the narrative of all authors of such projects presupposed the presence of one or several factors, the use of which, they believed, would lead to the collapse of the British Empire in the Middle East. In an effort to present a political alternative to British domination in the region for propaganda purposes, German diplomats, in fact, recognized the success of the British colonial experience in the Middle East and intended to capitalize it in German politics in the region.

Keywords: “Great Syria”, propaganda, Third Reich, World War II, Middle East

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-39-00052 mol_a “German propaganda in the Middle East: from the German Empire to the Third Reich (1914–1945)”.

For citation: Sherstyukov, S.A. (2022) The “Great Syria” Project in the Middle East Politics and Propaganda of the Third Reich during the Second World War (1939–1942). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 124–134. doi: 10.17223/19988613/78/16

Происходящие на Ближнем Востоке процессы, последовавшие за чередой «арабских революций» в странах региона, позволили многим экспертам говорить не только о кризисе государственности, но и о сломе всей региональной ближневосточной подсистемы международных отношений, фундамент которой был заложен после окончания Первой мировой войны странами-победительницами – Великобританией и Францией. Действительно, можно только предполагать, каким образом будет происходить реконфигурация ближневосточного региона и какой вид приобретут те его государства, которые сегодня де-факто уже не существуют в прежних границах (Йемен, Сирия, Ирак, Ливия); ясно, однако, что страны, сформированные на обломках Османской империи – во многом искусственно – столкнулись сегодня с самым серьезным после окончания Второй мировой войны вызовом.

Проекты, предусматривавшие трансформацию Ближнего Востока (или его части), не единожды возникали на протяжении XX и начала XXI в., а в качестве их создателей выступали как внерегиональные, так и внутрирегиональные акторы. В том числе периодически появлялись и халифатистские проекты, инициаторы которых стремились преодолеть рамки национального государства, предлагая в качестве альтернативы государственность, базирующуюся на транснациональной, строго религиозной идентичности [1].

Представляется целесообразным обратиться к одному из проектов конструирования части региона – проекту «Великой Сирии», который с началом Второй мировой войны оказался в фокусе ближневосточной политики и пропаганды Третьего рейха.

Идея «Великой Сирии» приобрела политическое звучание в конце Первой мировой войны; призывы к созданию государства в границах «исторической» Сирии оставались актуальными в межвоенный период и стали особенно значимыми в контексте развернувшегося противоборства Великобритании и Франции с государствами «оси» на Ближнем Востоке в годы Второй мировой войны. Все участники противостояния, действовавшие в рамках логики сохранения, расширения, трансформации или подрыва сложившихся в регионе механизмов политического господства и легитимирующих их конвенций, осознавали, что результатом этого противостояния может стать кардинальное переустройство регионального пространства и его отдельных сегментов.

О «Великой Сирии» писали многие авторы, обращавшиеся к изучению арабского национализма, политики европейских империй на Ближнем Востоке, к истории ближневосточного региона и его отдельных стран. Однако исследований, посвященных всестороннему рассмотрению идеологии пансирианизма в историче-

ской ретроспективе, немного, из них непревзойденной до сих пор остается работа английского исследователя Даниэля Пайпса [2]. «Как, возможно, самая игнорируемая тема истории Ближнего Востока в двадцатом веке, пансирианизм взывает к исследованию», – писал он в предисловии к своей работе [Ibid. P. 7]. Пайпс детально и подробно рассматривает зарождение и эволюцию пансирианизма, многочисленные проекты конструирования «Великой Сирии», создававшиеся как в Лондоне и в Париже, так и в ближневосточных странах, сложное отношение панарабистов к идеологии пансирианизма. Однако, обращаясь к оценке места этого проекта в политике стран «оси» в годы Второй мировой войны, Пайпс ограничивается замечанием о том, что для держав «оси» поддержка Великой Сирии стала практически безболезненным способом доставить неприятности британцам и французам на Ближнем Востоке и в то же время завоевать некоторое количество друзей среди арабов [Ibid. P. 96]. В работах, посвященных пропаганде и политике стран «оси» на Ближнем Востоке, тема «Великой Сирии» также находилась, как правило, на периферии исследовательского внимания.

Между тем изучение этого сюжета представляется важным по нескольким причинам. Оно позволит внести новые нюансы в понимание ближневосточной политики Третьего рейха (и стран «оси» в целом), в частности такого ее направления, которое было связано с попытками немецких дипломатов сконструировать «новый порядок» на Ближнем Востоке. Анализ политических проектов (и отдельных предложений), нацеленных на преобразование политического пространства арабского мира, даст возможность не только составить представление о политических целях и пропагандистских планах Третьего рейха в регионе, но и судить о том, что можно назвать пространственным воображением, или «ментальными картами» Ближнего Востока, существовавшими в сознании немецких дипломатов, военных, ориенталистов. Обратившись к случаю с «Великой Сирией», можно увидеть, какие возможности немецкая пропаганда пыталась использовать в регионе в годы Второй мировой войны и с какими ограничениями (объективными и субъективными) она при этом сталкивалась.

Первая мировая война и борьба за «османское наследство»

После вступления Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германской империи против Антанты для участников последней цель состояла не только в том, чтобы разбить османскую армию на полях сражений, но и в том, чтобы разделить «осман-

ское наследство». Судьба арабских провинций Османской империи решалась в годы войны в ходе переговоров и скрытого и явного соперничества союзников по Антанте – Великобритании, Франции и, в меньшей степени, Российской империи, стремившейся прежде всего установить контроль над черноморскими проливами. Достигнутое ими соглашение, вошедшее в историю как «соглашение Сайкс–Пико»¹, являлось плодом имперского воображения и колониальных представлений о балансе сил, безопасности и экономической целесообразности, «экспертного» (а часто «псевдоэкспертного») знания, поставленного на службу колониальным интересам, и, не в последнюю очередь, – случайности.

В годы войны Великобритания увидела в довольно аморфном, но структурирующемся движении арабских националистов ценного союзника в борьбе с Османской империей. Результатом британских усилий стала договоренность с шерифом Мекки Хусейном бен Али аль-Хашими – арабским лидером, представлявшимся британцам наиболее подходящей фигурой для того, чтобы возглавить выступление против турок.

Еще одним решением, имевшим долгосрочные последствия для всего Ближнего Востока, стала знаменитая Декларация Бальфура². Для Британии, уже контролировавшей Египет и претендовавшей на половину Ближнего Востока, публичная поддержка сионистского движения, стремившегося к созданию на территории Палестины еврейского государства, стала способом, который позволял обезопасить восточный фланг Суэцкого канала, избежав при этом обвинений в прямом захвате земель [5. Р. 1]. В изменившихся условиях конца Первой мировой войны не только Британии, но и другим империям, рассчитывавшим на новые колониальные приобретения, необходимо было искать новые способы легитимации этих приобретений.

Соглашение Сайкс–Пико, Декларация Бальфура, соглашение Мак-Магон–Хусейн³ являлись не просто вехами в политической истории Ближнего Востока; сложившийся в результате их реализации (или не реализации) политический порядок⁴, воспринимавшийся всеми силами (в том числе и формировавшими его) как временный, подлежащий коррекции или даже радикальному пересмотру, – задал ту систему координат, в рамках которой и возникали многочисленные проекты переустройства всего регионального пространства или его отдельных сегментов, происходили столкновения, переплетение и взаимное наложение пространственных образов, рождавшихся в политическом воображении националистов, христианских и мусульманских мыслителей, колониалистов и имперских элит.

Борьба за «Великую Сирию»

Немецкий исследователь Юрген Остерхаммель в работе «Трансформация мира: история XIX века», писал, что географические обозначения, с которыми сегодня специалисты и дилетанты обращаются совершенно некритически и которые широко заимствовались даже самими местными элитами в регионах, являются во многом продуктами геополитизации описательной

географии в период высокого империализма [7. С. 85]. Он замечает, что термин «Ближний Восток» вошел в употребление в дипломатических кругах лишь к концу XIX в. и обозначал Османскую империю, включая те области в Северной Африке (такие как Египет и Алжир), которые тогда ей фактически больше не принадлежали. Термин «плодородный полумесяц»⁵, появившийся в 1916 г., был популярен среди археологов и напоминал о доисламском величии региона [Там же].

В отличие от понятия «плодородный полумесяц», с самого начала являвшегося искусственным конструктом, понятие «Великая Сирия», утвердившееся в начале XX в. в политическом и дипломатическом лексиконе, стало современной версией укорененного в языке и истории термина *bilad al-Sham*, использовавшегося в раннее исламское время и включавшего, помимо Сирии, территории таких современных политических единиц, как Ливан, Иордания, Израиль, Западный берег реки Иордан, распространяясь на современные турецкие провинции Хатай (прежний санджак Александретта), Газiantеп и Диярбакыр [9. Р. 261]. Понятие «Великая Сирия» становится политическим и идеологическим концептом (и символическим ресурсом) в момент распада Османской империи и начавшейся борьбы за раздел ее бывших арабских провинций.

Результатом британо-арабских договоренностей стало «Великое арабское восстание», начавшееся 5 июня 1915 г. Занятие 30 сентября – 1 октября 1918 г. арабскими частями эмира Фейсала и частями британского экспедиционного корпуса генерала Э. Алленби Дамаска и большей части «исторической Сирии» символизировало успех «арабского восстания» и британо-арабского «союза».

В период краткосрочного правления короля Фейсала в Дамаске (сентябрь 1918 г. – июль 1920 г.) была предпринята первая попытка добиться независимости Сирии в ее «естественных границах». Будучи не в силах противостоять французским военным частям, Фейсал в июле 1920 г. покидает Сирию и вскоре, при поддержке Британии, становится королем Ирака. После окончания Первой мировой войны державы-победительницы – Великобритания и Франция – создали на месте арабских провинций бывшей Османской империи несколько государств, не получивших, однако, независимости, а вошедших в число подмандатных стран. Казалось, долгосрочные амбиции Хашимитов, состоявшие в том, чтобы собрать в рамках объединенного государства под властью их дома территориальные фрагменты распавшейся Османской империи (Хиджаз, Сирию, Палестину и Ирак) были сорваны [10. Р. 679]. Однако проблема создания (воссоздания) объединенного арабского государства станет одной из ключевых тем ближневосточной политики в 1920–1930-е гг. Идея единого арабского государства, ставшая одновременно и целью, и мечтой для нескольких поколений арабских националистов, принимала более или менее конкретные очертания в разных проектах, иногда рассматривавшихся как конкурирующие, иногда – как взаимодополняющие.

Мечта о едином арабском государстве могла воплотиться в «Великой Сирии», хотя сторонники идео-

логии панарабизма обычно рассматривали эту идею не столько как шаг, сколько как препятствие на пути к единому арабскому государству. «Великая Сирия» не существовала в качестве политической единицы, и не было «великосирийской нации», однако разделение территории «исторической» Сирии в 1919–1920 гг. на ряд государств под французским и британским мандатом стало одной из тяжелейших травм в череде многих политических травм, пережитых на Ближнем Востоке в то время [2. Р. 3].

Абдалла и Фейсал – два представителя Хашимитского дома, утвердившиеся у власти в Трансиордании и Ираке – подмандатных территориях, вошедших в британскую зону ответственности, значительную часть своих усилий направляли на реализацию (в том или ином виде) панарабского проекта. Ибн Сауд, эмир Неджда, нанесший в 1926 г. поражение шерифу Мекки Хусейну и его сыну Фейсалу и объединивший почти весь Аравийского полуостров в рамках созданного в 1932 г. государства Саудовская Аравия, напротив, видел свою задачу в том, чтобы не дать реализоваться панарабским амбициям Хашимитов. Эмир Трансиордании Абдалла стал одним из самых известных и последовательных сторонников «Великой Сирии». Поскольку режим Абдаллы опирался на поддержку Британии, многие полагали, что за «великосирийскими амбициями» эмира Трансиордании стоит Лондон, другие формулировали эту мысль еще более радикально, рассматривая Абдаллу как орудие в руках британцев. Не отрицая зависимости Абдаллы от Великобритании, следует признать, что его отношения с британскими властями (в том числе и по поводу «Великой Сирии») были сложнее описанной логики. В разное время представители британского правительства не только поддерживали великодержавные устремления Абдаллы, но и ставили заслон его чрезмерной, как им казалось, активности. В британском правительстве были как сторонники «Великой Сирии» (не обязательно во главе с Абдаллой), так и противники этого проекта. «Британские сомнения также были связаны с необходимостью учитывать позиции других государств. К концу 1941 г. стало очевидно, что французская, ливанская, сирийская, иракская, саудовская и египетская оппозиция возвышению Абдаллы означала, что поддержка «плана Абдаллы» была бы контрпродуктивной. Тем не менее Абдалла был хорошим другом Британии, и британцы как можно дольше избегали публичной критики его планов» [Ibid. Р. 93].

Третий рейх и «Великая Сирия»

Множество акторов, располагавшихся на разных уровнях, но сложно друг с другом связанных, находившихся в отношениях противодействия и сотрудничества, множество контекстов и высокая динамика их изменения – все эти признаки делали ситуацию на Ближнем Востоке в межвоенный период отчасти похожей на современную. Однако необходимо обращать внимания не только на относительное сходство, но и на существенные различия. С окончанием Первой мировой войны в истории Ближнего Востока начинается

постосманский, но не постимперский период – политическая карта региона в это время в основных своих контурах формируется двумя соперничающими империями – Британской и Французской. В целом они сохраняли доминирующие позиции в регионе на протяжении всего межвоенного периода, реагируя на растущие национальные движения на подмандатных территориях, приспосабливаясь к ним и подавляя периодически вспыхивающие восстания. В межвоенные годы только несколько стран региона являлись независимыми, в первую очередь кемалистская Турция, Иран во главе с династией Пехлеви и Хашимитская (вскоре Саудовская) Аравия [11. Р. 607].

Хотя Италия присоединилась к Антанте в августе 1915 г., итальянцы узнали о соглашении Сайкс–Пико только в октябре 1916 г., и несмотря на то, что под давлением итальянцев союзники признали ограниченную сферу влияния Италии в Малой Азии, по итогам Парижской мирной конференции Италия не получила никаких колониальных приобретений в регионе [12. Р. 12–13]. После прихода к власти Муссолини Италия использовала все доступные ей возможности для расширения своего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В конце 1920-х гг. Рим усилил связи с лидерами арабских националистических движений, в том числе с видными сирийскими националистами (в частности, с Шакиб Арсланом).

Итальянская активность в Леванте была предметом постоянного беспокойства французских властей. Позиция Италии относительно судьбы французских подмандатных территорий в Леванте не была лишена противоречий. Так, итальянское правительство стремилось поддержать христиан, выступавших за независимость Великого Ливана, и в то же время защищало тезис о неделимости сирийского мандата в Лиге наций [13. Р. VIII]; итальянцы поддерживали сирийских националистов, которые заявляли о единстве «Великой Сирии» и в то же время предлагали христианским меньшинствам защиту перед мусульманским большинством [Ibid. Р. XI]. Итальянский исследователь Мауро Пирас связывает эту противоречивость с тем, что фашистский режим в Италии, выстраивая новую «исламскую политику», не отказывался от старых методов традиционной арабской политики даже тогда, когда эти политические курсы вступали в противоречие друг с другом [Ibid.]. Возможно, это противоречие объясняется стремлением итальянцев в условиях сохранявшейся неопределенности политического будущего Леванта работать с разными политически мобилизованными группами, действовавшими на территории «исторической» Сирии.

Оценивая политику Веймарской республики в отношении Палестины и всего Ближнего Востока, исследователь Ф. Никозия писал: «Палестина и Ближний Восток не имели ключевого значения во внешнеполитических целях различных правительств Веймарской Германии, но находились на периферии непосредственной сферы интересов Германии. Тем не менее у Германии были конкретные политические, экономические и культурные интересы в Палестине и на остальном Ближнем Востоке, и она проводила определенную политику, направленную на сохранение и поощрение

этих интересов. Политика Германии была двунаправленной; экономическим и культурным интересам наилучшим образом способствовали поддержание сионистского движения и осуществление Декларации Бальфура, в то время как общие политические интересы в Европе и на Ближнем Востоке обеспечивались поддержкой Британского мандата в Палестине (цит. по: [14. P. 465]).

После прихода в 1933 г. Гитлера к власти в Германии ее ближневосточная политика до 1939 г. не претерпела радикальных изменений – ключевыми элементами этой политики являлись заинтересованность в еврейской эмиграции в Палестину и, напротив, незаинтересованность в поддержке арабских националистов, выступавших с антиссионистскими и антиколониальными лозунгами. Германские дипломаты на Ближнем Востоке выступали в роли наблюдателей, стремившихся оценить ситуацию в отдельных странах и в регионе в целом, иногда не скрывавших злорадства по поводу трудностей, с которыми сталкивались там британские и французские власти, но уклончиво или отрицательно отвечавших на просьбы арабских националистов о конкретной помощи.

До 1937 г. Гитлер стремился к достижению союза с Великобританией, в соответствии с которым Германия бы гарантировала интересы и безопасность Британской империи во всем мире в обмен на британское одобрение экспансии Германии в Центральной и Восточной Европе [15. P. 359].

Неудачи Гитлера в реализации этого курса ускорили формирование в конце 1930-х гг. германо-итальянского союза. Рассматривая экспансию в Европе в качестве основного приоритета, Гитлер легко пошел на признание Средиземноморья (и арабского мира) сферой влияния Италии: во время своего визита в Германию в сентябре 1937 г. Муссолини признал интересы Германии в Австрии и принял немецкую декларацию о поддержке итальянских интересов во всем Средиземноморском регионе [16. P. 117].

Хотя Италия со второй половины 1930-х гг. направляла все больше ресурсов на подрывную деятельность на Ближнем Востоке, настоящий вызов британо-французскому доминированию в регионе страны «оси» смогли бросить только после начала Второй мировой войны (точнее – после разгрома Франции в июне 1940 г.).

После начала Второй мировой войны сторонники более активного курса Германии на Ближнем Востоке могли с большим основанием полагать, что их доводы будут услышаны и приняты. Одним из первых о необходимости подорвать британские позиции на Ближнем Востоке заявил Макс фон Оппенгейм – ориенталист и бывший германский дипломат, давно не служивший в МИДе, но по-прежнему имевший репутацию одного из лучших экспертов по Ближнему Востоку и сохранявший связи как среди немецких дипломатов, так и среди арабских националистов. В октябре 1914 г. Оппенгейм предложил план «революционизации исламских областей» противников Германской империи – документ, фактически легший в основу стратегии Германской империи в «мусульманском мире» в годы Первой мировой войны.

Оппенгейм остался верен себе – в 1940 г. он выступил со сходной идеей, предусматривавшей «революционизацию» Ближнего Востока, целью которой было бы «уничтожение британского господства» в регионе [17. S. 1].

Центральное место в своих замыслах Оппенгейм отводил Сирии, называя ее «единственной страной, опираясь на которую можно вести в настоящее время нашу борьбу против Англии» [Ibid.].

Оппенгейм считал необходимым отправить в Сирию «так быстро, насколько это возможно прежнего посла в Багдаде доктора Гроббу»⁶ [Ibid.]. Одного этого достаточно было, полагал Оппенгейм, чтобы стимулировать борьбу арабских стран против Британии. «Гробба там известен как опаснейший противник Англии, – писал Оппенгейм, – его имя будет действовать там как программа, его появление и его работа в Дамаске станут призывом к борьбе не только для Сирии, но и для всех арабских стран» [Ibid. S. 2]. Оппенгейм уже много лет не находился на государственной службе, однако взгляды, которые он выражал в своей записке (о симпатиях к Германии в арабском мире и готовности арабов выступить при первой возможности против Великобритании) были широко распространены среди действующих немецких дипломатов, занимавшихся Ближним Востоком.

Отмечая, что Ирак хочет аннексировать Сирию и что Ибн Сауд этому объединению всеми способами препятствует, Оппенгейм формулировал свое видение будущего Сирии: «Простым решением было бы на сооружаемый сирийский трон посадить сына Ибн Сауда. О прямой аннексии Сирии Саудовской Аравией из религиозных соображений не может идти речи, так как господствующий в Саудовской Аравии фанатичный ваххабизм неприемлем для Сирии. Саудовскому принцу необходимо будет при управлении Сирией отказаться от его религиозного учения» [Ibid. S. 3–4].

Оппенгейм, как и Фриц Гробба, считал, что позиция Саудовской Аравии будет иметь важное (если не определяющее) значение в исходе борьбы с Великобританией за Ближний Восток, и поэтому он предлагал дать обещание Ибн Сауду в отношении части (или даже всей) территории Трансиордании и решить благоприятным для Ибн Сауда образом спор о «Великой Сирии». Однако в отличие от Гроббы, который акцентировал внимание на особой роли Саудовской Аравии в мусульманском мире, Оппенгейм рассматривал религиозный фактор скорее, как препятствие для экспансии последней.

В проекте Оппенгейма, с одной стороны, выражалась идея возвращения к границам «исторической Сирии» (в частности, он писал, что «Ливан, как до Первой мировой войны, снова вошел бы в Сирию как район с собственным управлением»), с другой – выдвигалась идея союзного государства, границы которого были бы гораздо шире границ «Великой Сирии» («После достижения мира и победоносного завершения борьбы против Англии, – писал он, – возникло бы союзное государство упомянутых арабских стран Передней Азии, в котором были бы представлены Йемен и ма-

лые государства аравийского полуострова, такие как Оман, Йемен, Кувейт и т.д. »). [17. S. 4].

Оппенгейм, изложивший в записке свое видение «нового порядка» в арабском мире, понимал, что эта проблема еще будет рассматриваться и решаться в будущем (как он полагал – в ближайшем). В этой связи он хотел, чтобы Гробба взял с собой в Сирию известного сирийского националиста Шакиба Арслана, «чтобы с ним обсудить новый государственный порядок в арабском мире и особенно в Сирии» [Ibid.].

Оппенгейм направил свою записку в МИД 25 июля 1940 г. – через месяц после разгрома немецкими войсками французских вооруженных сил и капитуляции Франции. Выведение из войны Франции имело множество последствий для участников глобального конфликта, одно из них – изменение военно-политической ситуации в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Хотя условия франко-германского перемирия предусматривали, что в статус мандатных территорий Франции не будет внесено каких-либо изменений и «Франция будет продолжать свою миссию в Леванте» [19. С. 57], в Берлине и Риме активно разрабатывались планы, предусматривавшие использование территории Сирии и Ливана как плацдарма для борьбы с Великобританией на Ближнем Востоке. Параллельно обсуждался вопрос о переустройстве политического пространства в Леванте.

Итальянская комиссия по перемирию прибыла в Бейрут спустя месяц после подписания перемирия с Францией. За ней вскоре последовали различные немецкие агенты и служащие, которые в основном занимались пропагандой, играя на арабских надеждах и страхах, среди прочего, относительно Палестины и Александретты⁷. Французское поражение и арабский опыт британской и французской политики с 1918 г. делали немецкую пропаганду успешной у части арабских националистов [20. P. 366].

Немецкие дипломаты исходили из того, что Германия может обещать арабам не только возможность создания объединенного государства, но и решение «еврейского вопроса» на Ближнем Востоке. Сотрудник политического отдела МИДа В. Мельхерс в своей записке от 9 декабря 1940 г. в сверхоптимистическом ключе описывал эффект от подобных обещаний: «В целом обещание приемлемого для них решения еврейского вопроса может быть дано арабскому миру. Намек на возможности формирования Большого сирийского государства, вероятно, вызовет у Британии большие трудности в Палестине... Осуществление только некоторых из этих предложений вызвало бы во всем арабском мире (вероятно, также в Северной Африке) значительное движение и, вероятно, лишило бы возможности действовать Англию так же, как и де Голля» [21. S. 692]. В то же время Мельхерс призывал к изучению ситуации на месте и к консультации с союзниками – итальянцами и арабами.

Несмотря на ожидаемый эффект от планируемых пропагандистских акций, Мельхерс был крайне осторожен в своих формулировках. У этой осторожности было много причин, лежавших как в сфере политической целесообразности, так и в сфере идеологии.

Немецкий посол в вишистской Франции Отто Абетц в своей телеграмме от 28 февраля 1941 г. называл некоторые из них: «Раскрытие тайных немецких обещаний арабским государствам относительно помощи в создании Великой арабской империи, несомненно, придало бы решающий импульс голлистскому движению, которое очень сильно в Сирии, и будет восприниматься французским правительством как противоречащее соглашению о прекращении огня» [22. S. 155]. Признавая, что обнародование планов создания в какой-либо форме объединенного арабского государства может стать мощным инструментом политического влияния, Мельхерс и Абетц диаметрально противоположно оценивали последствия подобного шага.

В документах, затрагивавших вопрос о будущих «политических конструкциях» на Ближнем Востоке, встречались разные названия этих «конструкций», два из которых – «Великая Сирия» и «Великая арабская империя» – пересекались, но, как правило, не совпадали. «Великая Сирия» могла рассматриваться как ядро будущей «Великой арабской империи», как одна из ее частей и как альтернативный ей проект. Упомянутый уже Абетц предлагал в этом вопросе ограничиться «конфиденциальной гарантией» арабским партнерам. «Если этой гарантии будет недостаточно, – писал он, – можно было бы первоначально поддержать формирование федерации шести арабских государств, в которой три подмандатных государства – Сирия, Трансиордания, Палестина – могли бы иметь особый статус» [Ibid.]. Стремясь найти формулу, которую можно было бы представить арабским националистам, не вызвав одновременно отрицательной реакции других акторов, Абетц предлагал промежуточный вариант, в котором единое арабское государство совмещалось с сохранением системы мандатов. Поиск такой формулы станет в это время одной из главных забот немецких дипломатов.

Сотрудники германского МИДа, рассуждавшие о политических преобразованиях в регионе, вынуждены были учитывать не только признаваемый Германией приоритет Италии в арабских делах, но и, как они неоднократно подчеркивали, сдержанное отношение Италии к созданию «Великой арабской империи». Вместе с тем, хотя Италия в своей политике на Ближнем Востоке с гораздо большей осторожностью подходила к вопросу о создании единого арабского государства, чем ее союзник по «оси», в итальянской пропаганде, направленной на регион, содержались призывы к пересмотру существующих в нем политических образований. Итальянцы распространяли листовки в поддержку «большой Палестины». А 30 июня 1940 г., сразу после падения Франции, они объявили по радио Бари о своем видении создания большого сирийского государства [2. P. 96].

В 1941 г. происходило нарастание пропагандистской, разведывательной и военно-политической активности Германии в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Высадка африканского корпуса Роммеля в Ливии в феврале, оккупация Греции и Югославии в апреле, антибританское восстание в Ираке, поддержанное Германией, и захват острова Крит, произо-

шедшие в мае 1941 г., с одной стороны, создали новые возможности для действий Третьего рейха в арабском мире, с другой – ставили перед ним новые задачи. Среди них – поиск более эффективных способов пропаганды, в которой нужно было найти оптимальное сочетание исламской риторики и риторики арабского национализма.

Дилемма выбора и вместе с тем признание приоритета национализма перед исламом просматривается в записке, имевшей характер программного документа, руководителя политического отдела германского МИДа Эрнста Воерманна от 7 марта 1941 г.: «Исламская мысль (“Священная война”), – писал Воерманн, – при современном соотношении сил неприменима. Арабизм и ислам не совпадают. Приобщаемые к нашей игре арабы борются не за религиозные, а за политические цели. Однако вопросы, связанные с исламом, требуют тактичного обращения» [22. S. 194].

За этой обязательной для министерства иностранных дел позицией, как отмечал немецкий исследователь Герхард Хепп, которая явно признавала приоритетным поиск «партнеров» среди национальных или националистических движений в Северной Африке и на Ближнем Востоке, безусловно, скрывался провальный опыт исламской политики Германской империи во время Первой мировой войны, который передавался также вследствие персональной преемственности в ведомстве [23. S. 440]. Тем не менее и после указания Воерманна вопрос о политическом и военном значении ислама и «мусульманского мира» продолжал обсуждаться – не только дипломатами, но и людьми, к голосу которых могли прислушаться в МИДе⁸.

Осенью 1941 г. в МИД поступил двухстраничный документ, автором которого был Ласло Алмаши – исследователь пустыни, ориенталист и с 1941 г. – офицер африканского корпуса Эрвина Роммеля. В ней автор изложил свою стратегию использования ислама для достижения немецких военных целей на Ближнем Востоке. В этом документе ислам и арабский национализм не противопоставлялись друг другу; напротив, в нем заметно стремление соединить их в проекте «Великой Сирии» и в лице иерусалимского муфтия Мухаммада Амина аль-Хусейни, которой должен был стать халифом и главой «великосирийского государства»⁹.

Анализируемый документ – его стилистика, язык и выражаемые в нем представления о «мусульманском мире» и его значении в противостоянии противникам Германии – не просто напоминал «план Оппенгейма», предложенный в октябре 1914 г. Вильгельму II, но фактически в основных чертах воспроизводил его.

«У Германии мало внутренних связей с исламом. Британия, напротив, имеет разнообразные внутренние связи с миром ислама» [25. S. 1], – утверждалось в документе. Значимость «внутренних связей» с исламом раскрывалась в следующем пассаже: «Если чувство солидарности между Германией и исламом возникло бы, и в результате 250 миллионов мусульман проявили бы внимание и сочувствие к Германии, то таким образом получилось бы вызвать у Англии массовый психоз с катастрофическими последствиями... следовательно,

Англия вынуждена будет пойти на заключение скорейшего мира» [Ibid.].

Халифат, как и Османская империя, перестал существовать после Первой мировой войны, однако в анализируемой записке 1941 г. именно возрождение халифата рассматривалось как способ, с помощью которого Германия могла бы создать «глубокую связь» с исламом, а муфтий аль-Хусейни характеризовался как наиболее подходящая фигура на роль халифа.

Прибытие муфтия и его переговоры с Гитлером открывали новые возможности для немецкой пропаганды на Ближнем Востоке. «Весь ислам пришел бы в огромное движение, – писал Алмаши, – при приеме великого муфтия фюрером, торжественном заявлении о гарантии для объединенной Большой Сирии с признанием великого муфтия духовным лидером, а также посредством пропаганды, ссылающейся на необходимость халифата и обращения великого муфтия по радио к арабскому миру» [Ibid. S. 2]. В конце записки содержался призыв «...сооружать не панарабское, а великосирийское государство, чтобы проложить путь к решению вопроса о халифате и тем самым помочь исламу настоящему бескорыстным способом» [Ibid.].

Автор документа обращался к целому комплексу проблем, находившихся в орбите ближневосточной политики Третьего рейха, правда, если одни из них (о декларации, гарантирующей независимость арабских стран¹⁰, о едином арабском государстве, о политике в отношении ислама, об арабских лидерах, на которых следует сделать главную ставку) находились в центре внимания немецких дипломатов, то другие – в частности «проблема халифата», скорее – на периферии их внимания. В той упрощенной и искаженной реальности, которую рисовал в своем воображении Алмаши, продвижение халифатистского проекта, безусловно, рассматривалось как многообещающее с точки зрения пропаганды мероприятие, с другой стороны, подобный проект плохо соотносился с идеей о необходимости дозированного и избирательного обращения к исламу и мог быть негативно воспринят как союзниками Третьего рейха (Италией, вишистской Францией), так и странами, рассматривавшимися им как важные партнеры (Турция, Саудовская Аравия). К тому же аль-Хусейни, являвшийся известным арабским националистом, не был и не мог быть общепризнанным лидером арабского мира.

Неслучайно позднее, через год после появления анализируемого выше документа, Штеффен, сотрудник «штаба Гроббы» в МИДе, в своей записке от 9 ноября 1942 г. пришел к заключению, что «вопрос о восстановлении халифата больше не является актуальным...» [23. S. 444].

Необходимость учитывать позиции Италии, вишистской Франции, нейтральной Турции и других акторов заставляла немецкое руководство придерживаться крайне осторожной линии в отношении любых политических проектов в арабском мире, в том числе и проекта «Великой Сирии».

Тем не менее поскольку, начиная с лета 1941 г., немецкое командование планировало прорыв на Ближний Восток одновременно по двум направлениям, эту

операцию нужно было сопроводить соответствующими пропагандистскими и политическими мероприятиями. Немецкий МИД снова возвращается к вопросу о «политической организации» арабского мира.

В начале 1942 г. Риббентроп поручил Фрицу Гроббе, «уполномоченному по арабским странам» в МИДе, подробно изложить линию МИДа в предстоящем «наступлении Германии в арабских странах» [26. С. 107]. В одном из разделов подготовленной Гроббой записки, датированной 7 февраля 1942 г., называвшемся «Новый порядок в арабских странах», немецкий дипломат сформулировал планируемые политические преобразования: «Ирак, Саудовская Аравия, Йемен и Египет останутся независимыми странами. Сирия, Ливан, Палестина и Трансиордания будут объединены в одно государство – «Великая Сирия». Ирак и Великая Сирия могут создать единую федерацию. Все перечисленные арабские страны будут объединены союзом или системой союзных договоров. Свержение хашимитских правителей в Багдаде и Аммане. Ирак получает Кувейт, Ибн Сауд – Маан и Акабу, а также контроль над Оманом, морским побережьем и, возможно, над Хадрамаутом и Бахрейнскими островами» [27. С. 187].

Интересно, что понятие «независимые» использовалось для описания Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Египта – государств, которые имели различную степень самоуправления перед войной, но не для Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании [16. Р. 207] – подмандатных территорий, находившихся до войны под прямым контролем Великобритании и Франции. В документе подтверждена линия, состоявшая в готовности немецкого МИДа поддержать территориальные притязания Ибн Сауда в отношении части территорий Трансиордании и небольших государств Аравийского полуострова, находившихся под контролем Великобритании. В этой же логике передела «британского наследства» на Ближнем Востоке планировалась передача Ираку Кувейта.

В записке заметно стремление Гроббы выстроить баланс между бывшим премьер-министром Ирака Рашидом Али аль-Гайлани и муфтием Амином аль-Хусейни (в том числе и в отношении «Великой Сирии»): «Гайлани будет министром-президентом (премьер-министром) и в данном случае – главой Ирака, но в вопросах Великой Сирии будет привлекаться как советник. Великий Муфтий будет представителем и, если на это согласятся ведущие сирийские вожди, главой правительства Великой Сирии» [27. С. 187]. Руководство германского МИДа и военные, в частности Фельми, руководитель «Особого штаба Ф», видели в остром соперничестве между аль-Хусейни и аль-Гайлани серьезную проблему, которая затрудняла сотрудничество с ними [18. С. 133]. Одновременно Гробба делал очередную попытку найти *modus vivendi* в отношениях Германии и Италии на Ближнем Востоке, в которых по-прежнему признаваемое «политическое главенство» Италии сочеталось бы с фактическим главенством Германии. Более того, Гробба допускал возможность участия Японии в решении арабских вопросов, «как только Япония выразит свое согласие на участие стран Оси в решении индийских вопросов» [27. С. 188].

Планы, предусматривавшие политические преобразования на Ближнем Востоке, появлявшиеся в контексте готовившегося наступления в регионе (и развивавшегося наступления в Северной Африке), становятся менее актуальными к осени 1942 г. (после поражений итало-немецких войск в сражениях под эль-Аламейном в июле и ноябре 1942 г. и на фоне тяжелых боев на Кавказе и под Сталинградом).

Уже в записке немецкого МИДа от 17 июля 1942 г., в которой излагались точки зрения на вопрос о «будущей организации арабского мира» (и на проблему единого арабского государства) двух ключевых арабских союзников Третьего рейха – аль-Хусейни и аль-Гайлани – отмечалось, что данный «вопрос не является в настоящее время таким острым, чтобы принимать по нему решение» [28. С. 5]. Также в записке высказывалась необходимость до вступления в переговоры с арабскими лидерами обсудить отдельные аспекты этой проблемы с итальянцами, и вместе с тем признавалась несвоевременность этого обсуждения: «Как известно, итальянцы до сих пор к общеарабским идеям относились с большой сдержанностью. Время для того, чтобы этот вопрос с Италией окончательно решить, кажется, еще не пришло» [Ibid.].

Таким образом, в этом документе фактически повторялась точка зрения на «организацию» арабского мира, которая была преобладающей в дипломатической переписке весной 1941 г. Отсутствие острой необходимости позволяло вернуться к неопределенной позиции относительно будущего арабского мира, форм политической организации региона, распределения власти и влияния в нем между Германией и Италией.

В подходах немецких дипломатов к проекту «Великой Сирии» проявились особенности, характерные для политического курса Третьего рейха в арабском мире в целом – масштаб замыслов и в то же время крайняя осторожность, ожидание быстрого и большого эффекта при сравнительно небольших усилиях. Немецкая пропаганда в регионе апеллировала к недавней истории, связанной для арабских стран не с обретением независимости после распада Османской империи, а с установлением колониального господства Великобритании и Франции в форме системы мандатов. Германии, увидевшей в годы войны в арабах «естественных союзников» в борьбе против Великобритании, следовало разработать и предложить привлекательный проект политической организации арабского мира, который предусматривал бы (или по крайней мере допускал) создание – в той или иной форме – объединенного арабского государства. Этот проект должен был представлять альтернативу той системе политического господства, которую создали в регионе Великобритания и Франция. Обращение к травматичному для арабского мира опыту колониализма и заявка на альтернативность, эксплуатация надежды и страха станут важными лейтмотивами немецкой пропаганды в регионе. Претензии на альтернативность, выражавшиеся в пропаганде, сочетались в немецких проектах со стремлением воспользоваться опытом британской колониальной политики в регионе. Немецкие дипломаты, называвшие эмира Трансиордании Абдаллу

«марионеткой Великобритании», тем не менее нередко признавали, что британцы, поддерживавшие (или даже инициировавшие) стремление Абдаллы к образованию «Великой Сирии», успешно продвигали свои интересы в регионе. И в случае с «Великой Сирией» задача формулировалась ими таким образом, чтобы, восприняв эту политическую конструкцию, поставить во главе нового государства не Абдаллу, а лидера, ориентированного на Германию. Впрочем, этот сценарий предполагался и для существовавших в регионе государств.

Немецкие дипломаты, формулировавшие и обсуждавшие разные варианты «нового порядка» в арабском мире, заходили в своем политическом воображении значительно дальше, чем в своей пропаганде и практических шагах. Одна из причин этого, заключалась в том, что если в годы Первой мировой войны Великобритания и Франция, стремившиеся к разделу арабских провинций Османской империи, вели борьбу и договаривались в основном друг с другом (в меньшей степени – с Российской империей, Великобритания также с шерифом Мекки Хусейном), то Германия в годы Второй мировой войны вынуждена была учитывать позиции и возможную реакцию значительно большего числа акторов. К началу Второй мировой войны все арабские государства находились в той или иной степени под влиянием или контролем европейских колониальных держав [16 Р. 1]. Уже одно это обстоятельство задавало рамки политики Третьего рейха в арабском мире, подтверждая в глазах немецких дипломатов и чиновников тезис о слабости, несамостоятельности и неустойчивости государств региона

и об условности их границ. Хотя вопрос о влиянии расовой идеологии на политику Германии в арабском мире нуждается в дополнительном изучении, известно, что приверженцы национал-социалистической идеологии полагали, что арабы не способны создать государство. Эта идея представляла собой доведенный до крайности европоцентристский тезис о неготовности различных неевропейских народов (в том числе арабов) к созданию собственной государственности, выдвинутой Великобританией и Францией после окончания Первой мировой войны для оправдания необходимости мандатной системы.

Несмотря на то, что немецкие дипломаты и военные предлагали разные варианты конструирования политического пространства в арабском мире, сходств в их взглядах гораздо больше, чем различий. Чаще всего это были не подробно разработанные планы, а, скорее, наброски, содержавшие сходный круг идей, выражавшихся в более или менее радикальной форме. Выстраиваемый ими нарратив предполагал существование факторов, умелое использование которых привело бы – почти с неизбежностью – к коллапсу Британской империи на Ближнем Востоке. Одни считали достаточным условием для этого активизацию Германии в арабском мире, другие – обращение к исламу (халифатистскому проекту), третьи – заявления о поддержке «Великой Сирии». Некоторые полагали, что успех Германии на Ближнем Востоке принесет выполнение всех перечисленных условий.

Примечания

¹ Соглашение Сайкс–Пико – секретное соглашение, достигнутое в 1916 г. британцами и французами, предусматривавшее раздел азиатской части османского государства и последующее превращение арабских вилаетов Османской империи в подмандатные территории Великобритании и Франции. Название получило по имени его разработчиков – английского политика сэра Марка Сайкса и французского дипломата Франсуа Жорж-Пико [3].

² Декларация Бальфура – письмо, переданное 2 ноября 1917 г. министром иностранных дел Великобритании Артуром Бальфуrom представителю британской еврейской общины лорду Уолтеру Ротшильду, в котором от имени британского правительства выражалось одобрение и готовность оказать содействие «созданию в Палестине национального дома для еврейского народа» [4].

³ Соглашение Мак-Магон–Хусейн – договоренность, достигнутая в ходе переписки шерифа Мекки Хусейна бен Али аль-Хашими с британским верховным комиссаром в Каире Генри Мак-Магоном, которая продолжалась с июля 1915 по январь 1916 г. В ходе нее Хусейну было обещано создание после окончания войны единого, независимого арабского государства (и определены его примерные границы). Более того, британское правительство обещало поддержать притязания шерифа Мекки на восстановление халифата и лидерство в арабском мире [6].

⁴ Разработанные в 1915–1916 гг. договоренности между Англией и Францией на самом деле еще не установили границ между сформировавшимися в Машрике будущими подмандатными территориями / государствами, что было сделано позднее – на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. – 21 января 1920 г.), в Севрском договоре от 10 августа 1920 г., на конференциях в Сан-Ремо 19–26 апреля 1920 г. и в Лозанне (с перерывом 20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.) [3].

⁵ «Благодатный Полумесяц» («Плодородный полумесяц»; Fertile Crescent) – название дуги плодородных земель, обрамляющей Сирийскую пустыню с запада, севера и востока. Включает современные территории Ливана, Израиля, Сирии, Ирака, юго-востока Турции, юго-запада Ирана, северо-запада Иордании и Египта. Это определение впервые использовал американский ученый Дж.Г. Брэдстед [8. С. 209].

⁶ Фриц Гробба (1886–1973) – немецкий государственный деятель и дипломат. С 1932 по 1939 г. был послом Германии в Ираке, во время британо-иракской войны в мае 1941 г. возглавлял германскую миссию в Багдаде и после ее завершения занимался иракским вопросом уже в Берлине. В германском МИД под его руководством был образован специальный отдел, «штаб Гроббы», куда были привлечены лучшие знатоки арабского мира. После прибытия в Берлин аль-Хусейни и аль-Гайлани Гробба стал советником при них. В конце декабря 1942 г. Гробба был отстранен от дипломатической работы и переведен на работу в архивную комиссию в Париж [18. С. 103–104].

⁷ 23 июня 1939 г. между Францией и Турцией было подписано соглашение, по которому Александреттский санджак полностью передавался Турции. С территории санджака были выведены находившиеся там французские войска. Санджак стал официальным шестым вилайетом Турции. Естественно, это решение французских властей вызвало взрыв недовольства и демонстрации протеста в Сирии [19. С. 55].

⁸ В разгар военных действий в 1941–1942 гг., когда немецкие войска заняли населенные мусульманами территории на Балканах, в Северной Африке, в Крыму и на Кавказе и приближались к Ближнему Востоку и Центральной Азии, Берлин стал рассматривать ислам в качестве политически значимого фактора. Нацистская Германия предприняла серьезные усилия для продвижения союза с «мусульманским миром» против их предполагаемых общих врагов – Британской империи, Советского Союза, Америки и евреев [24].

⁹ После поражения в мае 1941 г. антибританского восстания в Ираке аль-Хусейни удалось бежать в Иран. В октябре 1941 г. он был доставлен в Италию, где провел переговоры с Муссолини и Чиано, а в затем отправился в Берлин и 28 ноября встретился с Гитлером. Вероятно, упомянутый документ был направлен в МИД вскоре после прибытия муфтия в Италию.

¹⁰ Данные вопросы были предметом постоянных обсуждений, политических споров и интриг, в которых участвовали немецкие и итальянские дипломаты и политики, а также арабские националисты, сотрудничавшие со странами «оси». Иерусалимский муфтий аль-Хусейни, бывший

премьер-министр Ирака аль-Гайлани и другие арабские лидеры ставили свое сотрудничество со странами «оси» в прямую зависимость от провозглашения Берлином и Римом декларации о независимости и признания за арабскими государствами права на создание единого государства.

Список источников

1. Наумкин В. Компьютерные джихадисты Ближнего Востока. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kompyuternye-dzhikhadisty-blizhnego-vostoka/> (дата обращения: 16.04. 2018).
2. Pipes D. *Greater Syria: the History of an Ambition*. New York : Oxford University Press, 1992. 240 p.
3. Наумкин В. Нужно ли присоединять Россию к соглашению Сайкса–Пико? URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nuzhno-li-prisoedinyat-rossiyu-k-soglasheniyu-sayksa-piko/> (дата обращения: 16.04. 2018).
4. The Balfour Declaration. November 2, 1917. URL: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20balfour%20declaration.aspx> (accessed: 16.04. 2018)
5. Barr J. *A Line in the Sand. Britain, France and the Struggle that shaped the Middle-East*. London : Simon & Schuster, 2011. 464 p.
6. Letters between Hussein Ibn Ali and Sir Henry McMahon. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Letters_between_Hussein_Ibn_Ali_and_Sir_Henry_McMahon (accessed: 16.04. 2018)
7. Остерхаммель Ю. Трансформация мира: история XIX века. Главы из книги // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 21–140.
8. Алимova А.Н. Антун Сааде и идеология пансирианизма // *Ислам в современном мире*. 2018. № 14 (1). С. 209–222.
9. Bosworth C.E. *Al-Sham // Encyclopaedia of Islam : 12 vols. / ed. by C.E. Bosworth, E. Van Donzel, W.P. Heinrichs, G. Lecomte et al. Leiden : E.J. Brill, 1995. Vol. VIII: Ned–Sam. P. 261–281.*
10. Masalha N. Faisal's Pan-Arabism, 1921–33 // *Middle Eastern Studies*. 1991. Vol. 27 (4). P. 679–693.
11. Motadel D. The Muslim world in the Second World War // *The Cambridge History of the Second World War / R. Bosworth, J.A. Maiolo (eds.)*. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 605–626.
12. Arielli N. *Fascist Italy and the Middle East, 1933–40*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. 257 p.
13. Mauro P. *Politica islamica e propaganda fascista in Siria e Libano (1932–1940)* : Doctoral Thesis. Universita' degli Studi di Cagliari, 2012. 329 p.
14. Dieterich R. Germany's Relations with Iraq and Transjordan from the Weimar Republic to the End of the Second World War // *Middle Eastern Studies*. 2005. Vol. 41 (4). P. 463–479.
15. Nicosia F.R. Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939 Ideological and Strategic Incompatibility // *The International Journal of Middle East Studies*. 1980. Vol. 12. P. 351–372.
16. Nicosia F.R. *Nazi Germany and the Arab World*. New York : Cambridge University Press, 2015. 301 p.
17. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. Фю 14882.
18. Шерстюков С.А. «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха / под науч. ред. О.Ю. Курныкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 146 с.
19. Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век / Ин-т востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 2015. 392 с.
20. Tibawi A.L. *A Modern History of Syria (Including Lebanon and Palestine)*. Macmillan : St Martin's Press, 1969. 441 p.
21. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. (ADAP). Serie D: 1937–1945. [S.1.], 1964. Bd. 11. S. 2.
22. ADAP. Serie D: 1937–1945. Frankfurt a. M., 1963. Bd. 12. S. 1.
23. Höpp G. Der Koran als «Geheime Reichssache». Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945 // *Gnosisforschung und Religionsgeschichte : Festschrift für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag / Hrsg. H. Preißler, H. Seiwert*. Marburg : Diagonal-Verlag, 1994. S. 435–446.
24. Hitler's Muslim stop-gaps. Interview with historian David Motadel. URL: <https://en.qantara.de/content/interview-with-historian-david-motadel-hitlers-muslim-stop-gaps> (accessed: 16.04. 2018)
25. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. Nr. 611174.
26. Eichholtz D. *Krieg um Öl. Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel 1938–1943*. Leipzig : Leipziger Universitätsverlag, 2006. 141 S.
27. Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену : документы из следственных дел, 1944–1955 / отв. ред. В.С. Христофоров; вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М. : МФД, 2011. 880 с.
28. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. F. 13300.

References

1. Naumkin, V. (n.d.) *Kompyuternye dzhikhadisty Blizhnego Vostoka* [Computer jihadists of the Middle East]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kompyuternye-dzhikhadisty-blizhnego-vostoka/> (Accessed: 16th April 2018).
2. Pipes, D. (1992) *Greater Syria: the History of an Ambition*. New York: Oxford University Press.
3. Naumkin, V. (n.d.) *Nuzhno li prisoedinyat' Rossiyu k soglasheniyu Sayksa–Piko?* [Should Russia join the Sykes-Picot agreement?]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nuzhno-li-prisoedinyat-rossiyu-k-soglasheniyu-sayksa-piko/> (Accessed: 16th April 2018).
4. Israel. (n.d.) *The Balfour Declaration. November 2, 1917*. [Online] Available from: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20balfour%20declaration.aspx> (Accessed: 16th April 2018).
5. Barr, J. (2011) *A Line in the Sand. Britain, France and the Struggle that shaped the Middle-East*. London: Simon & Schuster.
6. Ibn Ali, H. & McMahon, H. (1976) Letters between Hussein Ibn Ali and Sir Henry McMahon. In: Laqueur, W. (ed.) *The Israel-Arab Reader*. 3rd ed. Bantam Books. [Online] Available from: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Letters_between_Hussein_Ibn_Ali_and_Sir_Henry_McMahon (Accessed: 16th April 2018).
7. Osterhammel, J. (2011) Transformatsiya mira: istoriya XIX veka. Glavy iz knigi [Transformation of the world: the history of the 19th century]. *Ab Imperio*. 3. pp. 21–140.
8. Alimova, A.N. (2018) Antun Saade i ideologiya pansirianizma [Antun Saade and the Ideology of Pan-Sirianism]. *Islam v sovremennom mire*. 14(1). pp. 209–222.
9. Bosworth, C.E. (1995) Al-Sham. In: Bosworth, C.E., Van Donzel, E., Heinrichs, W.P., Lecomte, G. et al. (eds) *Encyclopaedia of Islam: 12 vols*. Vol. 8. Leiden: E.J. Brill. pp. 261–281.
10. Masalha, N. (1991) Faisal's Pan-Arabism, 1921–33. *Middle Eastern Studies*. 27(4). pp. 679–693.
11. Motadel, D. (2015) The Muslim world in the Second World War. In: Bosworth, R. & Maiolo, J.A. (eds) *The Cambridge History of the Second World War*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 605–626.
12. Arielli, N. (2010) *Fascist Italy and the Middle East, 1933–40*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
13. Mauro, P. (2012) *Politica islamica e propaganda fascista in Siria e Libano (1932–1940)*. Doctoral Thesis. Universita' degli Studi di Cagliari.

14. Dieterich, R. (2005) Germany's Relations with Iraq and Transjordan from the Weimar Republic to the End of the Second World War. *Middle Eastern Studies*. 41(4). pp. 463–479.
15. Nicosia, F.R. (1980) Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939 Ideological and Strategic Incompatibility. *The International Journal of Middle East Studies*. 12. pp. 351–372.
16. Nicosia, F.R. (2015) *Nazi Germany and the Arab World*. New York: Cambridge University Press.
17. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. Fyu 14882.
18. Sherstyukov, S.A. (2014) “*Arabskiy vopros*” vo vneshney politike Tret'ego reykhya [“The Arab question” in the foreign policy of the Third Reich]. Barnaul: Altai State University.
19. Pir-Budagova, E.P. (2015) *Istoriya Sirii. XX vek* [History of Syria. The 20th century]. Moscow: RAS.
20. Tibawi, A.L. (1969) *A Modern History of Syria (Including Lebanon and Palestine)*. Macmillan: St Martin's Press.
21. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP). Serie D: 1937–1945. [S.l.], 1964. Bd. 11. p. 2.
22. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP). Serie D: 1937–1945. 1963. Bd. 12. p. 1.
23. Höpp, G. (1994) Der Koran als Geheime Reichssache. Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945. In: Preißler, H. & Seiwert, H. (eds) *Gnosisforschung und Religionsgeschichte: Festschrift für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag*. Marburg : Diagonal-Verlag. pp. 435–446.
24. Motadel, D. (2017) *Hitler's Muslim stop-gaps. Interview with historian David Motadel*. [Online] Available from: <https://en.qantara.de/content/interview-with-historian-david-motadel-hitlers-muslim-stop-gaps> (Accessed: 16th April 2018).
25. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. Nr. 611174.
26. Eichholtz, D. (2006) *Krieg um Öl. Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel 1938–1943*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.
27. Khristoforov, V.S. (2011) *Tayny diplomatii Tret'ego reykhya: germanskie diplomaty, rukovoditeli zarubezhnykh voennykh missiy, voennye i politseyskie attashe v sovetskom plenu: dokumenty iz sledstvennykh del, 1944–1955* [Secrets of diplomacy of the Third Reich: German diplomats, heads of foreign military missions, military and police attaches in Soviet captivity: documents from investigative files, 1944–1955]. Moscow: MFD.
28. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. F. 13300.

Сведения об авторе:

Шерстюков Сергей Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ssherstyukov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sherstyukov Sergey A. – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, International Laboratory for World Order Studies and the New Regionalism, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ssherstyukov@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2018; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 21.04.2018; accepted for publication 05.07.2022